

Как и предполагалось, по возвращении домой, когда Его Светлость вошёл во дворик своей временной резиденции, Жун Тянь уже ожидал его во внутренних покоях. Силэйский государь, по-видимому, только что помылся и облачился в лёгкое одеяние — простой чанпао[1] — воротник которого был слегка распахнут, тем самым немного обнажая грудные мышцы в доказательство того, что крепкое тело по-прежнему обладало сексуальностью и очарованием.

Переступив порог, Фэн Мин наслаждался столь соблазнительным зрелищем и весело бросился к мужчине:

— Угадай, чем мы сегодня занимались?

На что Жун Тянь вернул со смехом:

— Помимо прогулки, чем ещё занимался? — Держа любимого феникса в объятиях, он посадил его себе на колени и помог Его Светлости медленно растереть уставшие маленькие ножки.

От приятных ощущений князь непринуждённо застонал, после чего прошептал:

— Жун Тянь, если не получится вновь стать государем, то, по крайней мере, можешь открыть массажный салон, где будешь хозяйничать, и всё в таком духе. — Повернув верхнюю часть тела, Фэн Мин обнял мужчину за шею и довольно честно начал рассказывать: — Мы сегодня не просто гуляли, а переделали кучу дел, давай расскажу с начала... Сперва отправились в литейную мастерскую, где встретились с Хун Юйем, потом поехали смотреть на караван судов, там Ле Чжунши и Ле Доу достали тот деревянный короб и вернули нам.

— Мне всё ясно, — продолжил мысль государь, — а ты не подумал о том, кто привёз сюда этот деревянный короб.

Князь задумался: Жун Ху вернулся раньше них и наверняка доложил о каждом его шаге Жун Тяню.

— Что такое катапульта?

— Ик?

Жун Тянь вынужденно постучал по княжеской голове:

— Катапульта, ты сегодня с Хун Юйем о ней говорил.

— А! Ты об этом?!

Фэн Мин состроил гримасу:

— Нюх у Жун Ху очень острый, но кто бы мог подумать, что он, вернувшись, немедля пойдёт к тебе и выложит всё про катапульту, а?! Хе-хе, и почему я раньше не подумал, что эта крайне занятная штука тебе пригодится? Катапульта — это своего рода оружие, она работает по принципу рычага, мечá что-нибудь в цель, то есть можно взять большую каменную глыбу или снаряд и бросить в противника. — И, бесцеремонно схватив бумагу с кистью, князь принялся рисовать.

Фэн Мин познакомился с катапультой лишь во время просмотра по телевизору исторических фильмов, посвящённых военным баталиям, в особенности древнеримским сражениям, где при штурме города с удовольствием использовали подобную штуку — несколько сотен стоящих на земляных уступах катапульт и требушетов вместе метали ядра, от ударов которых городская стена резко обваливалась, — подобная картина смотрелась впрямь крайне эффектно, производя глубокое впечатление.

Вот только как в итоге создавалась такая штука, Фэн Мин понятия не имел, к счастью, данная конструкция, скорей всего, была крайне легка в строении, по сути дела напоминая большие качели-балансир.

Преимущество, коим обладал князь перед древними людьми, заключалось в получении современного систематического базового образования в каждой научной области, в особенности физике и химии. Кто бы мог подумать тогда, что подобные скучные научные основы будут настолько ценны, а.

Держа в голове изображение катапульты, он, Фэн Мин, старался, можно сказать, выжимая мозг[2], передать замысел конструкции, связывая его с практическим применением и придерживаясь законов физики, о которых рассказывал учитель.

Рисунок появлялся на бумаге, но вскоре она комкалась и выбрасывалась, затем снова брался другой лист, и действия повторялись. Почёсывая голову, Его Светлость изо всех сил пытался вспомнить, что говорил учитель физики о любимых рычагах, используемых повсеместно и всесторонне; после нескольких попыток набросать правильный эскиз Фэн Мин наконец-то указал на почти похожую зарисовку, вымолвив:

— Думаю, как-то так должна выглядеть.

Опустив голову, Жун Тянь взглянул на бумагу: рисунок получился так себе, кривой. Но смутно в нём угадывалось, что из себя представляет эта вещь. Государь хмуро спросил:

— Как можно с помощью этой штуки метать каменные глыбы?

— Всё потому, что сила, помноженная на длину здесь, равняется силе, умноженной на длину тут, это и есть принцип рычага. Знаешь? — заметив предупреждающий взгляд мужчины, Фэн

Мин спешно растянул губы в улыбке. — Хи-хи, конечно же, не знаешь. Ума не приложу, как тебе детально всё объяснить, иначе говоря, эту вещь можно использовать на дальних расстояниях, с огромной мощностью направляя камни в нужную сторону, м? Понимаешь? Ах, если бы этот вопрос обсуждался с третьей принцессой, она бы сразу же поняла, ведь у неё действительно были глубокие познания, касающиеся физики и математики. Насчёт рычага, когда я был в Фаньцзя, ещё[3]... — Фэн Мин внезапно замолк.

Завидев странное изменение в лице любимого феникса, Жун Тянь поинтересовался:

— Что случилось?

— Ик... Если скажу, что эти основы рычага я уже однажды обсуждал с Жо Янем, ты разозлишься на меня? — с беспокойством спросил князь. — Я в те годы ещё наивным был и знать не знал, что подобные вещи — государственная тайна, а тогда ты ещё обманом вынудил меня отправиться в Фаньцзя...

Жун Тянь слегка коснулся пальцем губ юноши, со смехом отвечая вопросом на вопрос:

— Почему я должен злиться? Ты такой смыслённый, а от того, что можешь потрясти Жо Яня, я и подавно счастлив.

Князь в тот же момент приободрился и, радостно обхватив губами палец мужчины, слегка пососал какое-то время, после чего обмолвился, испуская вину:

— Ради тебя я непременно как следует изучу катапульту, тем самым позволю тебе создать могущественное оружие, способное разгромить Жо Яня.

Такая «добросовестная» клятва никак не соответствовала княжескому характеру, даже наоборот, рассмешила Жун Тяня:

— Ты только хорошенько изучи, и кто знает, может, в будущем ты ещё пойдёшь на войну.

Фэн Мин, хлопая себя по груди, полный уверенности в себе, заявил:

— Конечно, могу пойти. В смысле, у меня огромный прогресс в искусстве меча, а также я получил опыт, изучая историю и военные стратегии, накопленные на протяжении веков, я даже достаточно квалифицирован, чтобы командовать многочисленной армией как генерал.

На что силэйский государь приятно расхохотался и погладил растрёпанные волосы Его Светлости:

— Посмотрим, как ты, оказавшись на поле битвы, станешь бахвалиться, вот только меня не

радует, что ты на самом деле нарываешься. — Улыбка исчезла, сменившись спокойствием, и, глядя на усталое лицо Фэн Мина, мужчина не нашёл ничего лучше, как поднять любимого на руки и уложить в постель, где, сев рядом, спросил: — А после обеда куда направился?

При упоминании о второй половине дня Фэн Мин в подробностях доложил, как старый хозяин тканевой лавки нашёл себе ученицу в лице Цю Юэ. Жун Тянь, услышав про небесно-лиловый, в изумлении произнёс:

— Оказывается, и такое есть?

— Угу, очень удивительно, да? Я тоже не знал, что, оказывается, можно таким способом заполучить учеников, но, может, это и к лучшему. Цю Юэ, оставшись у мастера и обучившись ремеслу, в будущем откроет тканевую лавку «Тётушка Цю Юэ» и будет плескаться в золоте[4].

Однако силэйский государь с почтением отозвался:

— Младших ремесленников, что трудятся в лавках и мастерских, обычно не отправляют на военную службу, но нынешний правитель Тун даже такими людьми не брезгует и, махнув рукой, посылает охранять границу. Отсюда мы видим, что страна Тун будто бы процветает, но на самом деле потаённая угроза множится, беспокойство охватывает большую часть народа, а иначе из-за чего старый хозяин лавки «Фухэмэнь» так настаивал на выборе Цю Юэ, не отыскав на родине себе подмастерьев?

Фэн Мин мило наклонил голову набок.

— Это из-за того, что этот молодой господин Сяо довольно легко может достать раковины из глубин даньлинского моря, к тому же Цю Юэ разгадала их семейный секрет.

— Лишь из-за этих двух причин. — И Жун Тянь, сосредоточенно поразмыслив, добавил: — Скоро мир охватит смута, объятый смятением народ запаникует, в таком случае всё произошедшее станет напоминать обрушившийся на землю горный поток, спасаясь от которого птицы и звери захотят найти достаточно высокую вершину горы.

Обладая покровительством Жун Тяня, что уже само по себе было огромной горой, так ещё став молодым господином знаменитого рода Сяо, Фэн Мин, разумеется, являл собой весьма неплохую вершину.

— Семейство Фу уже получило ученика, тем самым гарантируя, что искусство окрашивания в небесно-лиловый не забудется, к тому же присоединилось к нынешнему роду Сяо — одной стрелой убило двух орлов[5], хозяину лавки, очевидно, захотелось уцепиться за столь выгодный шанс, — вывод Жун Тяня с первого укола пустил кровь[6].

Не до конца понимая, Фэн Мин почесал затылок:

— Так сложно? По-моему, тот человек слишком стар и многословен, его мозг не в состоянии так извилисто думать, правда ведь?

Поначалу силэйский государь хотел позволить своему фениксу как следует отдохнуть, но, увидев его озадаченный вид, мужчина не смог сдержаться и подразнил — коснувшись рукой милого лица, большим пальцем погладил заострённый подбородок юноши.

— Будь готов ко всему, на протяжении твоего пути найдётся немало человек, желающих так и этак разузнать о тебе и сблизиться с тобой.

— Разузнать обо мне?

— Поскольку ты выглядишь хорошим человеком, люди намереваются заполучить твоё покровительство. Есть множество тех, кто хочет примкнуть и составить тебе компанию на больших джонках рода Сяо, из беспокойного времени прорываясь в светлое будущее[7], — пояснил Жун Тянь. — Призывать на службу достойных мужей, собрав талантливых людей, разве это не основная идея равной милости? Сам указ «О равной милости» я уже повсюду разместил, твои слова, звучавшие на тунском банкете, наверняка кто-то вместо тебя разнесёт по умам. Подожди, потом к тебе нагрянет множество всевозможных талантливых людей.

Фэн Мин широко раскрыл рот. «Разве эти слова о блистательном будущем не похожи на историю Мэнчан-цзюня[8]? Гостей явилось три тысячи, а от порога тянулась вереница экипажей, подобная дракону[9]. Данная задача и впрямь крайне сложная, по слухам, конец жизни Мэнчан-цзюня был печален... Неужели умер от усталости?» Состроив страдальческое выражение лица, князь обратился к Жун Тяню:

— А мне по силам такое сделать? Кажется, все эти люди умнее меня, смотри, сегодня тот старик Фу, сказав пару-тройку фраз, обманом увёл и посвятил мою Цю Юэ в ученики; если бы ты не вывел его на чистую воду, я бы и не понял, что он незаметно для меня вцепился, связываясь с моей семьёй Сяо и без всякой причины обзаведясь огромной опорой в лице рода Сяо. Знал бы раньше, обсудил с ним оплату за охрану-у.

Подняв и загибая палец за пальцем, князь стал подсчитывать:

— Мне нужно вертеться в кругу тунской знати, нужно объездить все страны, нужно проложить маршрут для перевозки светящегося песка, нужно управлять имуществом рода Сяо, нужно придумать, как помочь тебе соорудить катапульту, нужно придумать, как помочь У Цяню с доспехами, ещё и ткани Цю Юэ... — в душе что-то неожиданно промелькнуло, и Фэн Мин резко прервал себя.

Этот проблеск был подобен острию иглы, что промчалась мимо глаз, такой же стремительный и яркий, но мгновение спустя всё снова погрузилось во тьму. Князь словно почувствовал, что мелькнувшая мысль наверняка поможет решить некоторые задачи, однако, вытянув руку, так и не смог это нечто поймать. Он так силился вспомнить и понять упущенное, что брови сошлись на переносице.

Ошибочно предположив, что что-то случилось, Жун Тянь озаботился:

— В чём дело?

Но любимый феникс покачал головой, будто надеялся вывалить из головы только что сбежавшую мысль, после чего растерянно спросил мужчину:

— О чём я недавно говорил?

Обладающий превосходной памятью силэйский государь немедля повторил слово в слово:

— Тебе нужно вертеться в кругу тунской знати, нужно объездить все страны, нужно проложить маршрут для перевозки светящегося песка, нужно управлять имуществом рода Сяо, нужно придумать, как помочь тебе соорудить катапульту, нужно придумать, как помочь У Цяню с доспехами, ещё и ткани Цю Юэ, что случилось в конце?

Когда слух тронули два слова «доспехи» и «ткани», в душе что-то вновь встрепенулось, а сам юноша в итоге ухватил утраченное вдохновение, которое сейчас его прошибло подобно электрическому разряду. Внезапно вскочив с кровати, Фэн Мин воодушевлённо воскликнул:

— Я наконец-то придумал!

— Что придумал? — спросил Жун Тянь.

— Доспехи! Ткани! — обхватив мужчину руками, князь распрыгался, как зайчонок.

— Понимаешь?

— Понимаю что? — хмуро отозвался Жун Тянь.

— Хлопковый доспех! — вновь воскликнул Фэн Мин. — Хлопковый доспех! В эпоху маньчжурской династии[10] люди использовали хлопчатобумажную ткань для создания доспехов, и результат был отменный, не обязательно создавать доспехи, тратя медь, железо и прочие металлы. Ты видел по телевизору... а-а, ты ж в глаза не видел сам телевизор, но именно в цинской династии на тело надевались как раз доспехи, сделанные из хлопчатобумажной ткани. Я раньше смотрел научно-технический канал, где говорилось, что в основу современных бронезилетов легло создание хлопковых доспехов — это огромный прогресс в науке и технике. Жун Тянь, наша армия изменится, став первой в мире армией, оснащённой доспехами! Скажите, пожалуйста, и почему я раньше до этого не додумался?!

Стоящий снаружи Жун Ху, услышав необычайно громкие возгласы Фэн Мина, поднял занавеску и возник на пороге:

— Князь Мин, что случилось?

Стоящий у кровати Жун Тянь, заключённый в объятия ликующего князя, обернулся на голос телохранителя и с горькой улыбкой отозвался:

— Он сказал, что ему нужна хлопчатобумажная ткань вместо доспехов...

***

Пребывая в темноте, Ле-эр медленно пришёл в себя. Глаза всё ещё были закрыты, однако постепенно он понял: место, где сейчас находился, больше не являлось мрачным подвалом.

Тело охватывало ощущение лёгкой качки, это невольно позволяло предположить, что кто-то перенёс его на корабль. Неужели тайный погреб Юй Лана снова переместился, только на этот раз на реку Оман? Движущееся судно отличалось огромной манёвренностью и подходило для побега из вражеского окружения и облав.

Если судить так, то неужели Юн И прознал, где скрывается Юй Лан, и начал действовать?

Парень всеми силами старался привести в чувство свой одурманенный разум, чтобы как следует проанализировать собственное положение, и, по-прежнему держа глаза закрытыми, вогнал ещё глубже в предплечье тонкую иглу, что пронзала его руку.

Ле-эр сдержал дыхание — ощущение острой боли от иглы, что вогналась сквозь плоть и кровь почти до кости, позволило поддержать ясность ума и продолжить размышление.

Юй Лан был искусен в лекарствах. Ведь одурманить ими человека гораздо эффективнее, чем держать на цепи, поскольку из оков пленник при случае может вырваться и сбежать, а опоённый даже пошевелиться, не то что сопротивляться, не имеет возможности.

С тех пор, как оказался в плену, Ле-эр каждодневно был вынужден принимать лекарство, приготовленное Юй Ланом. Сейчас хоть больше не приходилось пить возбуждающее снадобье, от которого тело словно горело, однако в последнее время Ле-эра опаивали зелёным с ужасно тяжёлым ароматом варевом, позволяющим с лёгкостью впасть в забвение.

Ле-эр проводил большую часть времени во тьме, даже если и приходил в сознание, то чаще его зрение пребывало словно в тумане, руки и ноги были охвачены бессилием, ему ничего другого не оставалось, как верить себя в полное распоряжение Юй Лана. Парень боялся, что постепенно станет зависим от лекарств этого мужчины и в конечном итоге, лишившись разума, превратится в его расходную пешку.

Несмотря на твёрдую уверенность, что когда-нибудь Юн И отыщет его, Ле-эру всё равно нужно было перед тем, как разум окончательно его покинет, своими силами выбраться из лап

чудовища. И Небо благоволило телохранителю Его Светлости — когда надежды на спасение почти не осталось, Ле-эр наконец-то нашёл в погребке острую иглу длиной с цунь.

Вонзив в руку остриё иглы, тем самым пряча её в теле, Ле-эр скрыл всё рукавом. Игла, приносящая своей болью дискомфорт, помогла[11] парню, вкупе с огромным желанием, противостоять, и из-за этой продолжительной пронизывающей боли в руке он очнулся раньше вопреки предположениям Юй Лана.

Вероятно, сейчас выпал единственный шанс сбежать из его подчинения. Услышав звук приближающихся шагов, Ле-эр ловко закрыл глаза и расслабился, притворяясь, что по-прежнему крепко спит.

Тёплая рука, слегка погладив его тело, тихо остановилась за ушком. Горячее дыхание, обдавшее лицо, неторопливо подступало, тем самым давая почувствовать запах Юй Лана.

Губы невесомо прижались к его, с осторожностью, боясь разбудить. Юй Лан кончиком языка скользнул в слегка распахнутые губы, прорывая слабую линию обороны, после чего нежно прошёлся языком по дёснам.

Ле-эр отчаянно силился сохранить маску расслабленности на лице, но стоило тяжёлому дыханию мужчины охватить его и близкому между ними расстоянию сократиться, сердце едва не зашло в груди.

— Ле-эр... — шептал Юй Лан его имя.

Сердце пропустило удар. Парень понял: Юй Лан совершенно не прознал притворства, лишь неосознанно позвал по имени.

Подобное началось вовсе не сегодня. Несколькими днями ранее, когда Ле-эр начал заставлять себя раньше ожидаемого приходить в чувство, то заметил, как Юй Лану нравится ласкать и целовать его спящего.

Движения мужчины не несли в себе никакого разврата, по-видимому, сам Юй Лан совершенно не собирался давать волю рукам, а просто демонстрировал свою скрываемую доселе нежность. Ласка ограничивалась щеками и шеей либо пальцами и лодыжками, в противном случае, если бы он захотел воспользоваться сонливостью Ле-эра и сбросил с него одежду, то, вероятно, обнаружил бы на руке следы от иголки.

«Тук-тук» — донёсся лёгкий стук в дверь каюты. Ле-эр почувствовал, как Юй Лан ослабил хватку, выпуская его и оборачиваясь ко входу.

— Войдите, — прошептал он.

Послышался звук открывающейся двери, после чего зазвучал деловитый, полный серьёзности мужской голос:

— Молодой господин, — также тихо позвал визитёр, но с осторожностью замолк, ожидая, когда Юй Лан подаст знак.

За весь период пребывания в плену Ле-эр изредка сталкивался с людьми Юй Лана, и прозвучавший голос, должно быть, принадлежал одному из приближённых; смутно вспомнилось имя, которым его прежде звал господин, — Цюэ Фу.

Юй Лан равнодушно продолжил:

— Выкладывай, что хотел. Он только что испил приготовленное мною лекарство, теперь спит и не услышит нас.

— Слушаюсь. — И Цюэ Фу стал по порядку докладывать: — Расследование подчинённого показало, что силэйский князь Мин в настоящее время не покидал Тунцзэ, судя по всему, хочет остаться в Тун на празднование дня рождения правителя Цин Дина. При нём по-прежнему находятся как головорезы рода Сяо, так и силэйская охрана, в том числе Жун Ху. Получив приглашение Цин Чжана, князь временно остановился в резиденции Хэцин, где находится под полной защитой.

— Под полной защитой? — лёгкий смех Юй Лана долетел до слуха Ле-эра. — Если они так думают, меня это вполне устраивает.

— Про превосходный план молодого господина те идиоты, вполне очевидно, даже сломав голову, не додумаются. Вероятно, в день, когда яд охватит тело князя Мина, они только тогда всё поймут.

Ле-эр вздрогнул. Не в силах сдержать затаённое дыхание, парень не удержался и незаметно приоткрыл глаза. К счастью, в данный момент Юй Лан разговаривал, стоя к нему спиной, а потому ничего не заметил.

Князь Мин отравлен?

Беспощадный взгляд мужчины при упоминании князя Мина мелькнул в голове Ле-эра. Этого человека, Юй Лана, охватывала сжигающая и затаённая ненависть к тем, кто мог помешать Ли свершить великое дело — объединить страны — без какой-либо морали и чувств... Он уже нанёс князю Мину удар?

Сердце в груди забило ещё сильнее, причём настолько, что стук отдавался в ушах, вместе с тем странное беспокойство охватило разум: что, если сейчас Юй Лан обернётся и увидит его состояние. Полностью оценив последствия и всеми силами расслабив тело, парень закрыл

глаза, уповая на продолжение разговора.

И словно с небес чудесный дух ниспослал свою милость — Цюэ Фу действительно всё же продолжил начатую тему, только слегка озабоченным тоном:

— Вот только с тех пор, как молодой господин, прикинувшись Ду Фэном, встретился с князем Мином, прошло достаточно много дней, но он, по-видимому, так ничего и не сделал, чтобы достать Вэньлань. Ваш подчинённый думает, может, лучше молодой господин от имени Ду Фэна отправит ему горшок с цветком, позволив ему неожиданно коснуться лепестков и немедля отравиться.

Хоть и не зная, каким именно ядом, в конце концов, отравил Юй Лан князя Мина, Ле-эр догадывался — Вэньлань определённо являлся основным ингредиентом. При высказанном желании подчинённого ускорить действие снадобья, отправив цветок, и учитывая живой и любопытный характер князя, не исключена вероятность, что он действительно прикоснётся к растению, и тогда беды не миновать.

Ле-эр вмиг напрягся.

Низко рассмеявшись, Юй Лан крайне самоуверенно проговорил:

— Нет необходимости, я своей мелодией уже вызвал намерение изучить искусство игры на флейте, и он принял мой подарок в виде нефритовой флейты, так что думается, он часто практикуется. Флейту я пропитал лекарственным снадобьем, сделав её не только красивой, но и крошащейся. На смоченные губы может незаметно попасть нефритовый порошок, что при каждой игре понемногу проникает внутрь, следовательно, за этот период времени сильное нефритовое лекарство наверняка уже просочилось в тело. Во всяком случае, пусть госпожа Яое поможет нам с незаконченным делом, дав Вэньлань.

Цюэ Фу, казалось, не до конца успокоившись, нерешительно проронил:

— Подчинённый слышал о причудливом характере госпожи Яое, едва ли она согласится подарить Вэньлань князю Мину, а иначе почему яд ещё не подействовал?

— Причудливый нрав — это одно, но госпожа Яое к тому же является его родной матерью, стоит сыну упрямо настоять на своём, она в итоге уступит, — уверенно отозвался Юй Лан. — В нраве такого человека, как князь Мин, присутствуют заносчивость, упрямство и благородство, дав кому-нибудь обещание однажды, он никогда не забудет о нём. И раз уж мне пообещал, то смею тебя заверить, он постоянно будет донимать, прося у госпожи Яое этот цветок. Не волнуйся, рано или поздно он потерпит огромную неудачу. Сейчас везде неспокойно, а наши безрассудные действия, наоборот, легко раскроют нас[12].

— Слушаюсь, — благоговейно сказал мужчина, — молодой господин тщательно всё продумывает.

Ле-эр в былые времена изучал множество различных вещей, в том числе аптечное дело, и, услышав всё вышесказанное, внезапно понял. Юй Лан прибег к смешению ядов, которые по отдельности менее действенны, но при специальном соединении или воздействии они превратятся в крайне ядовитое вещество.

Вынужденный прибегнуть к столь странному способу, Юй Лан только после прорвался сквозь множественную охрану, окружающую князя Мина, чтобы внезапно нанести Его Светлости удар. Вещи «пропитанный снадобьем нефрит» и «Вэньлань» звучали незнакомо, однако выбранный для князя Мина яд — стоило немного пораскинуть мозгами, и становилось понятно — являлся крайне ужасающим.

И, по-видимому, сейчас князь Мин, будучи обманутым, коснулся отравленного нефрита, до сих пор не подозревая, в чём заключена его опасность, а если он дотронется ещё и до Вэньлань, страшно представить, какими будут последствия. Нужно как можно скорее предупредить князя Мина!

В душе словно кошки безжалостно скребли, но тело не смело шелохнуться даже на волос, а чувство беспокойства обжигало ещё сильнее.

В дальнейшей беседе между Юй Ланом с подчинённым упоминалось положение всех государств, в том числе они говорили и о государе Ли, который до этого пребывал в Тяньинь, а сейчас уже вернулся в столицу собственной страны, Литун.

— Государь так превосходно поступил, — в голосе Юй Лана звучал оттенок едва заметного облегчения. — Государь долгое время отсутствовал во дворце, армия вместе с министрами были охвачены паникой. А сейчас, когда государь вернулся, обстановка в Ли очень скоро наладится.

Положение Дунфань его, Юй Лана, тоже довольно серьёзно заботило, и Цюэ Фу, казалось, специально для своего господина собрал и упорядочил сведения о каждой стране, и при выпавшем шансе заговорил о новостях в Дунфань. Но государство находилось далеко, и связываться, а уж тем более передавать какие-либо вести, было довольно неудобно и трудно, да и в полученных от лазутчика сведениях ничего существенного не предоставлялось. Поскольку надлежащих лазутчиков — сумевших пробраться к основной государственной позиции — не имелось, то даже подтвердить информацию: находится ли Жун Тянь до сих пор в Дунфань или нет, не представлялось возможным.

— Если мои предположения верны, — равнодушно продолжал Юй Лан, — то Жун Тянь сейчас уже нет в Дунфань, что вполне вероятно, как и то, что он скрывается около своего горячо любимого князя Мина.

— А Жун Тянь может так рисковать? В былые времена, держа в руках власть, он часто на границе Тун устраивал с соседом стычки, потому тунская знать его не встретит с распростёртыми объятиями. — Затем спустя минуту размышлений Цюэ Фу предложил: — Он прячется в Тун, приближённых там немного, водяной дракон ступил на мелководье[13], такой

случай выпадает крайне редко. Молодой господин, не должны ли мы немедленно отправить письмо государю, прося Его Величество связаться с Тун и вместе выдвинуть войска, дабы всех причастных, в том числе князя Мина, окружить, и, отыскав Жун Тяня, немедленно приговорить того к смерти. Банда головорезов Сяо очень безжалостна, однако даже она не осмелится противостоять многочисленной армии, а причина, по которой все государства не посмеют даже коснуться князя Мина, не говоря уже о встрече с ним, по большей вероятности заключена в страхе мести со стороны скрывающегося Жун Тяня. Таким образом, уверен, можно одновременно устранить сразу двух людей, ведь есть те, кто ненавидит как Жун Тяня, так и его людей, наверняка они не упустят столь благоприятную возможность.

Данный план и впрямь жестокий.

Каждый нерв Ле-эра напрягся, а сам парень крепко стиснул зубы.

Но Юй Лан отозвался иначе:

— К сожалению, это лишь мои предположения, а не твёрдое убеждение. Тем более, большее количество солдат Ли до сих пор находятся в Фаньцзя, внутри страны — пусто, не следует самовольно действовать. План по объединению стран является долгим и масштабным, а потому нельзя из-за мелкой выгоды, что маячит перед глазами, игнорировать общее положение дел. Без войск и с бедственным положением страны нельзя вмешиваться в дела Тун, поскольку можно случайно разжечь огонь и спалить себя[14]. Если открыто дать волю рукам, а потом обнаружится, что Жун Тяня нет в Тун, то вместе с просчётом привлечём лишнее внимание к расположению войск Ли, и кто знает, может, не страшась смерти, воспользовавшись пребыванием наших войск в Фаньцзя, бесцеремонно вторгнутся на нашу территорию и нанесут урон военной мощи — овчинка выделки не стоит. В будущем ожидается множество сражений, и мы вынужденно прибегнём вновь к военной мощи Ли.

Внезапно сделав паузу, мужчина выпустил тихий смех:

— Если Жун Тяня заботит жизнь князя Мина, то увидев, что князь находится на краю гибели, он разве не окажется в смятении? И тогда приблизит час собственной смерти.

Цюэ Фу искренне восхитился:

— Молодой господин действительно очень предан Ли, всё тщательно продумывает ради будущего страны. И постоянно, когда что-то может сказаться на военной мощи Ли, молодой господин крайне осмотрителен.

Юй Лан, неизвестно почему, умолк на мгновение.

— В устах знати простое слово «войска» показывает тяжёлую человеческую жизнь. Большая часть солдат Ли пала на поле боя, головы и тела были в разных местах; генералы положили перед государем несколько докладов, где говорилось лишь об одном — потере войска.

Печально, ведь оставшиеся мужчины стары, а женщин призвали в армию, они ушли в расцвете молодости, тая в душе непреклонную волю, а потом, сколько вернулось домой? — мужчина тихо вздохнул. — Самый сильный яд принесёт небольшое число смертей, а одна великая битва унесёт бесчисленное количество жизней. Эти, считающие себя выше других, люди презирают коварство и яды, говоря, что всё это подлые деяния, но разве они не понимают — порой одна доза яда может тихо убрать вражеского главу, этого достаточно для прекращения большой битвы, тем самым позволяя многим вернуться к своим жёнам, детям и родителям живыми.

Цюэ Фу глубоко расчувствовался:

— Молодой господин скорбит и сочувствует народу, такое милосердие может растрогать Небеса.

— Милосердие? — рассмеялся Юй Лан. — Обычно знающие меня люди без исключения скажут, что я очень страшный, сердцем подобен железу и камню[15]. И глядя на себя, я на самом деле ощущаю себя таковым, боюсь, у меня даже сердца нет, не говоря уже о милосердии.

Чем ближе был финал фразы, тем тише становился голос. В низком тоне слышалась доселе неизвестная печаль. Даже в воздухе чувствовались его таящиеся в глубине души страдания, которые постоянно подавлялись, превращаясь в невыносимую тоску.

Слушая его, Цюэ Фу понятия не имел, что сказать, и в итоге, не найдя в себе сил, был вынужден протяжно вздохнуть.

Тяжесть, вопреки ожиданиям, охватила душу лежащего в стороне и подслушивающего Ле-эра, отчего ему стало невыносимо. Парень растерялся на мгновение, а после словно пробудился — нельзя предаваться пустым мечтаниям.

Сейчас первым делом следует срочно каким-либо образом выбраться отсюда и рассказать князю Мину новости о его пока ещё незначительном отравлении, так будет верно!

Время не ждёт. Ни в коем случае нельзя медлить!

Примечания:

[1] Длинный китайский мужской халат.

[2] 挤脑汁(jiǎo jūn nǎo zhī) — цзяоцзинь наочжи — досл. выжимать мозги; образ. напрягать мозги, ломать голову (над чем-либо).

[3] Фэн Мин вспоминает банкет во дворце правителя Фаньцзя, события 39-ой главы.

[4] В оригинале фраза звучит как 日進斗金 (rì jìn dòu jīn) — жи цзинь доу цзинь — «получить пуд золота за день», что означает «разбогатеть».

[5] 一舉兩得 (yī jǔ liǎng dé) — и цзю лян дэ — китайская поговорка, означающая «одним действием добиться двойной выгоды». Можно сравнить с русским поговоркой «одним выстрелом убить двух зайцев», в Китае тоже есть похожая — «одной стрелой убить двух орлов».

[6] 一針見血 (yī zhēn jiàn xiě) — и чжэнь цзянь сюэ — «кровь с первого укола», обр. в знач.: попасть в самую точку; не в бровь, а в глаз.

[7] В оригинале фраза звучит как 光明世界 (guāngmíng de shìjiè) — гуанмин дэ шицзе — если читать по-иероглифно, то фразу можно перевести как «в светлый мир»: 光(гуанмин) «светлый», 界(дэ) является притяжательным, а 世(шицзе) — «мир», но если обратиться к буддизму, то эта фраза означает «настоящие и будущие существования».

[8] Мэнчан-цзюнь — выдающийся политический деятель периода Сражающихся царств (V-III до н. э.), премьер-министр царств Ци и Вэй.

[9] Обр. о нескончаемом движении транспорта.

[10] Маньчжурская (Цинская) династия существовала в 1644-1911 гг.

[11] 一臂之力 (yī bì zhī lì) — и би чжи ли — «сила одной руки», обр. в знач.: протянуть руку помощи, оказать помощь.

[12] 露出馬脚 (lòuchū mǎjiǎo) — лу чу ма цзяо — букв. «высунуть лошадиные копыта», обр. в знач.: выдать себя, раскрыть, выдать скрытый замысел.

[13] Обр. в знач.: потерять власть, лишиться влияния, утратить былое величие.

[14] 引火自焚 (yǐnhuǒ zìfén) — инь хо цзы фэнь — досл. «разжечь огонь и сжечь себя»; то же, что «копать яму (могилу) самому себе».

[15] Обр. в знач.: твёрдый, непреклонный, непоколебимый.

<http://bllate.org/book/13377/1631958>